

Леонтьев Д.А. Перспективы неклассической психодиагностики

English version: [Leontiev D.A. Perspectives of non-classical psychodiagnostics](#)

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

В статье делается попытка проанализировать развитие представлений о мишенях психодиагностики, связанное с развитием представлений о природе человека и, в частности, неклассической методологией. Введение в научную психологию представлений о содержательном внутреннем мире, системной организации жизнедеятельности, произвольной саморегуляции и самодетерминации ведет к необходимости вычленения новых мишеней диагностики: содержаний, отношений, атрибутивных схем, системной организации личности, стратегий, межуровневых регуляторов, механизмов самотрансценденции.

Ключевые слова: психодиагностика, природа человека, неклассический подход, черты, внутренний мир, системная организация, самодетерминация

Психодиагностика – область прикладной психологии, которая постоянно развивается в своих технологических аспектах, однако ее содержательную сторону, и прежде всего представления о мишенях диагностики, о том, что именно мы выявляем, мы привыкли мыслить довольно консервативно, понимая природу человека как неизменную. Тем не менее при большой инерционности основного массива психодиагностических разработок в ней проявляются и получают развитие и принципиально новые содержательные идеи. Наряду с классической психодиагностикой черт и состояний появилось и то, что можно назвать неклассической психодиагностикой, и ее появление связано с развитием образов человека. В свою очередь, развитие образов человека в науке обусловлено, во-первых, существенным прогрессом в понимании человека, достигнутым на протяжении XX столетия, и, во-вторых, изменением самого человека, «онтологической акселерацией», как назвал этот процесс Дж.Келли, заметивший, что психология в основном изучает вчерашнего человека, не заметив, как он успел измениться [Kelly, 1969].

Образы человека и мишени диагностики

Не касаясь длинной предыстории дискуссий о том, что такое человек, вспомним, что ключевую идею, идущую от Аристотеля, на которой основывается основная линия психологии, в особенности психодиагностики, XX в.: всё проявляет себя в соответствии со своей природой, и человек не исключение. Необходимо прежде всего познать его устойчивую и неизменную имманентную природу, определить и диагностировать базовые глубинные основания, в соответствии с которыми он действует. В качестве таковых рассматриваются заложенные в нас изначально устойчивые индивидуальные свойства, познание которых открывает возможность описывать, систематизировать людей и предсказывать их поведение

В круг наиболее традиционных мишеней классической психодиагностики входят способности,

черты и состояния, из них первые два соотносимы с элементами устойчивой природы человека. Все эти понятия опираются на опыт обыденного сознания, на объяснение поведения «с первого взгляда» [Хекхаузен, 1986], при котором в качестве детерминант поведения рассматриваются те или иные внутренние причины. Большое влияние на формирование классической психодиагностики оказала дифференциальная психология В.Штерна [1998] как универсальная методология изменения психологических признаков через соотнесение индивидуальных значений этого признака с его выборочным распределением. Этот измерительный подход основан на представлении человека как изолированной монады, замкнутой в своих границах (см. [Леонтьев, 2006]).

Сами же черты, как вытекает уже из их полушутливого определения, данного в 1920-е гг. («черты личности – это то, что измеряется опросниками личностных черт»), не несут никакого психологического содержания; они всецело задаются (а) процедурой измерения, позволяющей математически установить общую закономерность флуктуаций ответов на некоторое количество более или менее целенаправленно сочиненных или подобранных элементарных вопросов и (б) языком, в котором подбирается слово, позволяющее дать внешне валидное название этой общей тенденции. Как известно, некоторая форма поведения считается чертой личности, если она отвечает трем критериям: (1) стабильна во времени; (2) инвариантна по отношению к разным ситуациям и (3) неодинаково выражена у разных индивидов (см., например [Хекхаузен, 1986]).

Зависимость результатов от выбора слов, о чем писал еще Г.Олпорт [Олпорт, 2002], но о чем редко вспоминают, ограничивает точность не только перевода самих вопросов, но и диагностируемых конструкторов, которые заметно привязаны к языку. Более того, язык сказывается и на конструктивных особенностях тестов. Например, выдающийся лингвист А.Вежбицкая [Вежбицкая, 1996] отмечает, что русский язык отличается от большинства европейских языков, в частности, менее дифференцированной лексикой, описывающей эмоциональные состояния, но большей массой соответствующих слов в речи; кроме того, эта лексика в русском языке более категорична. Там, где представитель одной из европейских культур мягко охарактеризует особенности поведения, мы наклеиваем на человека ярлык, характеризующий человека в целом.

Естественно, особенности языка неминуемо сказываются на конструировании психометрических тестов. Другой пример на ту же тему: в любом языке можно найти пары слов или оборотов, более или менее синонимичных со стороны их денотативного содержания, но абсолютно различных по эмоциональной оценке, вкладываемой в эти слова. То, что один оценит как упрямство, другой назовет принципиальностью, а третий – твердолобостью. То, что один назовет гибкостью, другой назовет беспринципностью, а третий – свободой от предрассудков. Один назовет человека тревожным, другой – ответственным, один – смелым, другой – агрессивным. Один – непримиримым, другой – кляузником.

Таким образом, в основе психометрической методологии лежит не столько психологическая теория, сколько математика и лингвистика. Черта определяется через внешне фиксируемые признаки, обнаруживающие некоторую математическую закономерность и получающие словесное обозначение; при этом вообще не встает вопрос о собственно психологической природе того механизма, который полагается в основе соответствующей поведенческой тенденции.

Способности, черты и состояния – это переменные, связанные с довольно поверхностным уровнем психики человека и животных. Классическая дифференциально-психометрическая психодиагностика измеряла принципиально те же характеристики человека, которые мы обнаруживаем и у животных, конечно, в более дифференцированном и разнообразном варианте. Сложнее отнести это к проективной психодиагностике, которая обнаружила такие мишени, как процессы психодинамики, конфликты и защиты. Трудно всерьез обсуждать, имеются ли они только у человека, или нет. Однако и в том и в другом случае можно утверждать, что мишенями классической психодиагностики служат психологические механизмы, которые работают сами и которые мы, как правило, не контролируем. Дж.Бьюджентал [Bugental, 1991] назвал их «пленками», на которые записывается наш опыт и которые, включаясь, точно воспроизводят

записанное. Это существенная часть нашего психологического оснащения, и их диагностика может дать много информации о человеке.

Вместе с тем в последние десятилетия мишенями психодиагностики постепенно становятся и более сложные психологические образования. Одни из них соответствуют формально-математическому определению черт личности, но не сводятся к «пленкам», механически воспроизводящим одну и ту же устойчивую особенность поведения. Другие имеют принципиально иную природу и способы функционирования. Не претендуя на полную и обоснованную систематизацию этих переменных, мы предпримем в этой статье первую попытку очертить их круг и отразить некоторые новые вызовы, стоящие перед психодиагностикой.

Внутренний мир личности как объект диагностики: содержания и отношения

С начала 1930-х гг. стало формироваться понимание того, что у человека есть внутренний мир, что существенное в человеке – не столько унаследованные возможности его биологической природы, сколько то, что он вычерпывает из внешнего мира, строя свой собственный. Когда я читаю книгу, где кончаются идеи автора и начинаются мои, где кончаются смыслы автора и начинаются мои? Существуют определенные процессы, через которые мы оказываемся принципиально разомкнуты по отношению друг к другу и обмениваемся содержаниями между собой, а также с объектами культуры – во многом именно этим раскрывается содержание модного в последнее время понятия «неклассическая психология».

В числе новых мишеней диагностики, обнаруживающихся при переходе от психики как системы «пленок» к творчески выстраиваемому внутреннему миру, прежде всего обнаруживаются *содержания и отношения*.

Содержание – это то, чем мы можем обмениваться, что можем усваивать извне и выносить обратно через свои тексты, это мир содержаний, обладающих знаковой природой, но знаками не исчерпывающихся. Мы можем обмениваться и образами, смыслами, ценностями, мифами, несущими не только семантику, но и мощный ценностно-смысловой заряд. Попытки диагностировать содержания появились давно, но они до сих пор не отразены и не систематизированы. Содержания можно определить как более или менее сложные субъективные репрезентации, психологически значимые аспекты которых сохраняют свою инвариантность при их трансляции в иную реальность, будь то внутренний мир другого человека или объективированные формы воплощения (знаковые или изобразительные системы).

Отношения часто путают с эмоциями, хотя для измерения отношений требуется иная методология, чем для выявления эмоций. Скажем, любовь – это эмоция или отношение? От ответа зависит многое. Если мы подчеркиваем, что любовь – это чувство, страсть, эмоция, мы тем самым фиксируем, что это некое состояние, которое «нечаянно нагрянет», выступает неконтролируемой реакцией на какой-то внешний или внутренний стимул. Когда же мы говорим об отношении, мы подразумеваем, что это не что-то, что происходит «во мне» помимо моего контроля, а напротив, что мы признаем его своим, принимаем ответственность за него. Оно может во многом быть замешано на эмоциях и быть слабо контролируемым, однако со своим отношением субъект внутренне идентифицируется, а с эмоцией – не всегда. Отношения представляют собой высшую форму эмоционального реагирования, опосредованную, личностно осмысленную и интегрированную с другими содержаниями и аспектами внутреннего мира личности.

Конечно, эмоция может непосредственно переходить в отношение и определять отношение. Очень часто наше отношение к другим людям прямо связано с теми эмоциями, которые эти люди у нас вызывают. Однако бывает возможно и их разделение. Я испытываю чувство голода, но не буду есть

сейчас, не буду есть эту пищу вообще, не буду есть в этом месте, в этой компании. Некий человек вызывает у меня ощущения дискомфорта, неприятные ощущения, но у меня к нему возникает не неприязнь, а сострадание или другое ощущение, которое опосредовано более сложными психологическими структурами. Слово «опосредование» проводит важный водораздел между тем, что Л.С.Выготский [Выготский, 1983] описывал как низшие и как высшие психические функции. Нередко наше поведение определяется непосредственными реакциями, но существуют и более сложные структуры поведения, которые не сводятся к первым.

Вскоре после Второй мировой войны зародился психосемантический подход, сделавший мишенью измерения именно субъективное отношение, связанное с некоторым содержательным образом. По сути, этот подход опирается на то, что Выготский назвал методом двойной стимуляции: отношение не просто является реакцией на внешний стимул; эта реакция опосредована вторым рядом стимулов. В психосемантическом подходе в виде второго ряда стимулов фактически выступает то, что Дж.Келли [Kelly, 1955] описал как конструкторы. Пока мы еще маленькие, пока мы еще не усвоили культуру, пока у нас не сформировалось сознание, мы воспринимаем окружающий мир непосредственно как что-то хорошее или плохое, несущее нам положительные или отрицательные эмоции. Позднее ребенок начинает понимать, что кроме хорошего–плохого, опасного–безопасного есть много других параметров оценки, и постепенно вырабатывает систему конструкторов, которые характеризуют наши отношения к окружающему. Есть и много других примеров опосредования эмоциональных отношений, например, если травматическая ситуация обнаруживает для субъекта определенный смысл, то это существенно смягчает разрушительные посттравматические эффекты [Эммонс, 2004].

Фактически психосемантический подход оказался одним из первых подходов в психодиагностике, который опирался на неклассические основания, хотя это в нем напрямую не эксплицировалось. Мишенью диагностики оказываются содержания внутреннего мира субъекта, причем они не являются чисто индивидуальными: сразу обнаруживаются взаимосвязи индивидуального отношения человека к определенным объектам с отношением к ним в обществе. Соответственно, происходят переносы, перемещения отношений, циркуляция индивидуальных и социальных смыслов, которые с этим объектом связываются. Таким образом, психосемантический подход в целом, как представляется, основан на применении методического принципа двойной стимуляции по Л.С.Выготскому к функции субъективного отношения, которое не совпадает с эмоциональной реакцией. Стимулами-средствами выступают те культурные и профессиональные инструменты, на языке которых это отношение может быть выражено, например набор шкал семантического дифференциала, набор цветов Цветового теста отношений [Эткинд, 1987] и т.д. Отношение как субъективная реальность переводится тем самым на другой язык, объективируется в психологических инструментах. Здесь можно усмотреть аналогию с искусством, в создании которого осуществляется аналогичный перевод, а реципиент, в свою очередь, делает обратный перевод.

Связи в картине мира и структуре личности

Следующая нетрадиционная мишень психодиагностики, также связанная с понятием содержания, но еще более с понятием структуры, – это *атрибутивные схемы*. Первой из переменных этого ряда стал локус контроля над подкреплением [Rotter, 1966]. Эта переменная как мишень диагностики представляет собой убеждение в существовании большей или меньшей (или никакой) связи между индивидуальными действиями и усилиями и их результатом. Родилось это понятие в контексте необихевиоризма и идеи подкрепления, как видно уже из полного названия этой переменной, но очень быстро за рамки этого контекста вышло, положив начало целому ряду мишеней исследования и диагностики, являвшихся, по сути, значимыми связями в структуре регуляции деятельности. В их числе выученная беспомощность [Seligman, 1975] – отсутствие связи между усилиями и результатом; самоэффективность [Bandura, 1997] – мера связи между наличными средствами и целью; каузальные ориентации [Deci, Ryan, 1985] – меры связи действия с его возможными

причинами и др. Обнаружилось, что люди могут по-разному конструировать связи между собственными действиями, их причинами и последствиями, и характер этих конструируемых связей оказывает огромное влияние на мотивацию и регуляцию жизнедеятельности.

Природа атрибутивных схем лучше всего иллюстрируется на примере такой переменной, как оптимизм. Сейчас получили распространение две основных теории оптимизма/пессимизма. Одна из них характеризует оптимизм/пессимизм как обобщенное ожидание будущего, которое может быть более радужным или, напротив, мрачным (Ч.Карвер, М.Шейер). Другая теория (М.Селигман) рассматривает оптимизм/пессимизм как устойчивую схему атрибуции, понимания в одном случае позитивных событий как закономерных, а негативных – как случайных, в другом случае – наоборот. Оптимисты считают, что плохие события случайны и неустойчивы, а хорошие – неслучайны и закономерны и стабильны и детерминированы. Пессимисты же считают, что хорошие события случайны, а плохие закономерны. От такого рода субъективной интерпретации радикальным образом зависит вся саморегуляция жизнедеятельности (см. [Гордеева, Осин, Шевяхова, 2009]).

Атрибутивные схемы складываются прижизненно под влиянием событий, с которыми мы сталкиваемся. Система представлений о том, как именно устроен мир, что от чего зависит, что с чем связано, – это та ориентировочная основа, от которой во многом зависит, как мы будем действовать, какие будем принимать решения, с какой энергией побуждения будем преследовать те или иные цели. Если мы верим, что эти действия приведут к какому-то результату, то будем очень энергично стараться этого результата достичь. Если мы не верим, что эти действия приведут к какому-то результату, то какая бы сильная мотивация у нас ни была, она не породит интенсивных усилий – смысла нет. Вместе с тем было бы неточно называть эти представления когнитивными, как нередко делают. Ведь к когнитивной сфере относится все то, что связано с «опознанием инвариант внешнего окружения» [Rouse, Powell, 1983], отображением некоторой иной объективно существующей (или полагаемой нами как существующая) реальности. Там же, где речь идет о конструировании самодостаточного образа, который не может быть протестирован на степень соответствия некоторому более объективному критерию, разделение на когнитивные и аффективные процессы и элементы невозможно. Это в полной мере относится и к атрибутивным схемам: они не могут быть истинными или ложными, поскольку любая атрибутивная схема порождает поведенческие последствия, подтверждающие эту схему по механизму «самоосуществляющегося пророчества». Поэтому они, как и многое другое, не вписываются в дихотомию «когниция–эмоция», являя собой «единство аффекта и интеллекта» [Выготский, 1996].

Атрибутивные схемы можно рассматривать как частный случай *интерпретаций* – субъективных истолкований обследуемым объективно неоднозначных ситуаций. По сути, именно интерпретации выявляются с помощью проективных методов, начиная с теста Роршаха. Механизм любой интерпретации основан на том, в какой смысловой контекст, в какую систему смысловых связей с другими содержаниями индивид помещает интерпретируемые им содержания.

С методами диагностики атрибутивных схем или субъективных интерпретаций смыкается еще одна группа, объединяющая несколько методов, которые были разработаны в различных контекстах в последние два-три десятилетия; их можно назвать системно-структурными, или системно-функциональными. К ним относятся, в частности: каузометрия [Кроник, Ахмеров, 2003], метод предельных смыслов [Леонтьев, 1999], матрица личных стремлений [Эммонс, 2004] и ряд вариантов метода репертуарных решеток [Франселла, Баннистер, 1987]. Мишенью психодиагностики здесь выступают *способы структурной организации* тех или иных элементов личности в связанные системы разной степени сложности.

Эти методы объединяет ряд общих черт: (1) они являются «оперантными» [McClelland, 1981], то есть основаны на анализе продукции, генерируемой самими исследуемыми, а не ответов на фиксированные стимулы; (2) в них всех обследуемые сначала генерируют некоторые элементы, а затем устанавливают отношения между ними. Как элементы, так и отношения в разных методиках

различаются: в каузометрии элементами служат события, а отношения – причинные и целевые связи, в МПС элементы – основания человеческих действий, отношения – целесмысловые, в матрице стремлений элементы – стремления, отношения – инструментальные связи, в технике репертуарных решеток как элементы, так и выявляемые отношения между ними могут быть довольно разнообразными; (3) результатом обследования выступает индивидуальная структура, репрезентирующая некоторый существенный аспект психологической реальности обследуемого, причем морфология самой этой структуры, особенности связей между ее элементами оказываются важнее для диагностической характеристики, чем сами элементы. Эти связи, как правило, имеют функциональную природу, то есть характеризуют способы, которыми разные элементы могут интегрироваться в функциональные системы, обеспечивающие сложную целесообразную активность на уровне жизнедеятельности в целом.

Измерение простоты–сложности очень важно в современном мире, где сталкиваются, с одной стороны, небывалые возможности для развития личности и жизнедеятельности и с другой – мощное стремление к минимизации усилий и примитивизации жизни, добровольный отказ от львиной доли человеческого потенциала. Поэтому важнейшей характеристикой личности оказывается мера структурной организации (сложности) ее существенных аспектов, что отвечает как распространенным взглядам на личностное развитие как процессы дифференциации и интеграции (К.Г.Юнг, К.Левин и др.), так и более современным взглядам на личностное развитие через призму общего понимания эволюции сложных систем в направлении роста сложности и негэнтропии [Csikszentmihalyi, 1993; Ключко, 2005].

В отличие от методов, диагностирующих атрибутивные схемы и другие субъективные интерпретации, структурно-функциональные методы направлены не столько на выявление конкретных связей в структуре жизнедеятельности личности (хотя выявление таких связей выступает промежуточным этапом диагностики и дает много дополнительной информации), сколько общей их конфигурации.

Стратегии, межуровневые регуляторы и механизмы надситуативности

Еще с одной группой новых, неклассических мишеней психодиагностики мы сталкиваемся, когда обращаем внимание на особую категорию устойчивых личностных диспозиций – *стратегии*. Представление о стратегиях возникает, когда мы рассматриваем человека не просто как механическое устройство, в которое заложены определенные механизмы реагирования, а как более сложное устройство, обладающее сознанием и возможностью выбора, возможностью относиться к самому себе, к своим действиям, к своему поведению, к своим реакциям и по-разному строить свои действия.

Стратегии, подобно чертам личности, являются устойчивыми и, строго говоря, подпадают под эту категорию, однако, в отличие от подавляющего большинства черт, попавших в фокус внимания психологов, стратегии являются устойчивыми способами поведения, более или менее осознанно выбранными при наличии альтернативы, и подвержены целенаправленным изменениям; это не самопроизвольно функционирующие на автопилоте «пленки», а стабильные ориентиры для «ручного» управления собственной произвольной активностью. Выбирая стратегию, субъект выбирает способ обращения с внешними ситуациями и внутренними переживаниями. Стратегии не всегда осознаются нами актуально, но всегда могут быть осознаны и являются всегда объектом нашего выбора, даже если мы делаем этот выбор, не заметив, что его сделали. Стратегии – это всегда некоторая направленность нашего поведения, которая может быть в этой ситуации и иной.

Одним из наиболее ранних прототипов стратегий как мишеней диагностики служат типы реакций на фрустрацию, описанные С.Розенцвейгом. Другим примером является такое сравнительно

недавно возникшее понятие и переменная, как ориентация на действие или ориентация на состояние [Васильев и др., в печати]. Автор этого понятия Ю.Куль обратил внимание на то, что человек не только по-разному атрибутирует, то есть приписывает причины своих действий, но и в ситуации, когда мы сталкиваемся с проблемой, одни люди больше занимаются приписыванием причин, а другие меньше; не очень задумываясь о причинах случившегося, они прежде всего ищут в ситуации ресурсы ее разрешения. Оказывается, что два наших основополагающих вопроса «что делать?» и «кто виноват?» в некотором смысле друг другу противоположны. Если ты начинаешь рассуждать, кто виноват, это поворачивает сознание в одном направлении, а если думаешь, что делать, – в другом направлении. Эти два направления несовместимы; можно заниматься или одним, или другим. Куль описал более просто эти две стратегии саморегуляции как ориентация на действие и ориентация на состояние. Одни люди, наткнувшись на преграду, фиксируются прежде всего на своих эмоциональных переживаниях, чувствах и начинают, например, предпринимать какие-то психотехнические действия, делать что-то для того, чтобы унять свою собственную тревогу в этой ситуации. Других волнует в этой ситуации не собственная тревога, а результат, и они ориентированы в большей степени на действие, ищут инструментальные способы справиться с ситуацией, и если это удастся, тревога и другие негативные эмоции исчезнут сами собой.

Еще одним примером стратегий служит жизнестойкость как способность выдерживать стрессогенные воздействия без негативных последствий (см. [Леонтьев, Рассказова, 2006]). Содержание понятия «жизнестойкость» включает в себя систему взаимосвязанных установок: установку на то, чтобы участвовать в событиях, а не сторониться событий, установку на то, чтобы влиять на происходящее, а не пассивно ждать, что произойдет, установку на то, чтобы принимать риск и быть готовым ко всем вариантам событий, не ожидая гарантированного успеха. Внешне их можно измерять точно так же, как личностные диспозиции, но это не просто индивидуальные черты, традиционно выделяемые в других концепциях резилентности, или устойчивости индивида к неблагоприятным внешним воздействиям, а именно стратегии жизнедеятельности, то есть активно выбранные способы отношения к самому себе и к миру, довольно слабо связанные с биологическими предпосылками. Это переменные другого типа, которые можно развивать, тренировать, формировать. Самое интересное, что через полгода после тренинга жизнестойкости изменения не только сохраняются, но усиливаются, то есть тренинг не просто оказывает воздействие, но и запускает некоторые самодвижущиеся процессы.

Со стратегиями тесно смыкаются *межуровневые регуляторы*, представляющие собой механизмы вариативных связей между разноуровневыми элементами личности. Примерами могут служить самоконтроль, самомониторинг и рефлексивность. Самоконтроль (Ю.Куль, Р.Баумайстер) представляет собой низший, наиболее примитивный механизм саморегуляции – способность сдерживать непосредственные импульсы, тормозить их проявление в поведении. Более сложные механизмы представляют собой самомониторинг (М.Снайдер) и рефлексивность (А.В.Карпов), связанные с отслеживанием и коррекцией собственного поведения. Интересно, что самомониторинг и рефлексивность, измеряемые с помощью специальных психодиагностических инструментов, обнаруживают значимые связи с другими переменными иного рода, чем корреляционные. Они разбивают выборку на подвыборки, в которых другие переменные обнаруживают различную структуру взаимосвязей между собой, иными словами, служат основанием выделения разных типов личности [Карпов, 2004; Полежаева, 2006].

Межуровневые регуляторы отражают возникающее по мере развития расщепление психологической структуры индивида на структуры индивидуальности, оказывающие предсказуемое и устойчивое непосредственное влияние на поведение, и надстраивающиеся над ними регуляторные структуры личности, опосредующие проявления первых [Леонтьев, 2006]. Влияние этих регуляторных структур личности не столь однозначно и однонаправленно; как показал еще В.С.Мерлин [Мерлин, 1986], связи между структурами, относящимися к разным структурным уровням, в отличие от связей между одноуровневыми структурами, многозначны.

Наконец, последняя из нетрадиционных мишеней психодиагностики – это способность человека

выходить за рамки, которую В.Франкл [Франкл, 1990] назвал *самотрансценденцией* – одной из двух главных антропологических способностей человека, а В.А.Петровский [Петровский, 1996; 2010] – надситуативностью, или трансситуативностью. Вычленение этой мишени связано с новым представлением о природе человека, которая, как говорят современные авторы, заключается как раз в том, что человек способен выходить за рамки любых определений, любой данности, и эта универсальная способность трансценденции и есть единственная инвариантная характеристика его подлинной природы [Giorgi, 1992].

Пожалуй, наиболее отчетливое эмпирическое воплощение эта мысль получила в исследованиях творчества как интеллектуальной активности. Д.Б.Богоявленская [Богоявленская, 2002] показала, что творческие люди отличаются от нетворческих прежде всего способностью выходить за рамки заданного. После решения поставленной испытуемым конкретной задачи, как показала Д.Б.Богоявленская, одни успокаиваются, а другие сами ставят себе новые цели, поскольку в самой задаче заложены возможности перехода на новый уровень постановки целей. Возникает самоподкрепляющаяся, самодвижущаяся, самодетерминирующаяся система.

Одной из первых попыток разработки на этой основе методики диагностики самотрансценденции служит методика мировоззренческой активности [Леонтьев, Ильченко, 2007], которая выявляет склонность к мировоззренческой инициативе – выходу за рамки поставленной задачи и заданных шаблонов при разрешении мировоззренческих дилемм. В частности, было обнаружено, что студенты, занимающиеся «надситуативной» волонтерской деятельностью по собственному выбору и решению, отличаются значимо более высоким уровнем мировоззренческой инициативы (У.П.Косова, неопубликованные данные). Другой релевантной переменной может служить личностный динамизм – склонность к неспровоцированным внешними обстоятельствами изменениям [Сапронов, Леонтьев, 2007].

Заключение

Целью данной статьи было показать концептуальную ограниченность традиционной личностной диагностики, прогресс в содержательном осмыслении которой более чем за полвека был едва заметен, особенно на фоне бурного развития ее технологической стороны. Как и без малого сто лет назад, классическая психодиагностика продолжает исходить из понятия индивидуальности человека как объекта изучения, подобного объектам других естественных наук: доступного познанию внешнего наблюдателя, подчиняющегося универсальным законам, замкнутого в своих границах, хоть и взаимодействующего с другими объектами, и обладающего неизменной и познаваемой имманентной природой, проявляющейся в его действиях. В частности, понятие черт личности напрямую связано именно с таким образом человека.

Вместе с тем развитие наук о человеке привело к заметному усложнению представлений о нем. Психология стала рассматривать человека не столько как индивидуальность, характеризующуюся набором измеримых признаков разной степени выраженности, сколько как личность, обладающую внутренним миром, способную относиться к собственным действиям и проявлениям, опосредовать и регулировать их, делать себя объектом целенаправленных действий, а также произвольно инициировать и выбирать действия и выходить за рамки любых априорных данностей и задач. При этом наряду с универсальными свойствами и закономерностями личности присущи и факультативные свойства и закономерности более высокого уровня, появление которых связано с достижением определенного уровня личностного развития и присуще не каждому взрослому человеку. Именно эти прижизненно складывающиеся психологические характеристики, не обладающие свойством всеобщности, и являются носителями высших произвольных регуляций. высокого уровня.

Это усложнение представлений о природе человека и строении его жизнедеятельности ставит задачу расширения списка ключевых мишеней личностной диагностики, добавив в него три новых

группы мишеней. Признание реальности внутреннего мира личности влечет за собой необходимость изучения содержаний и отношений; признание системной организации жизнедеятельности влечет за собой необходимость изучения атрибутивных схем и принципов структурной организации систем личности, наконец, признание рефлексии, самодетерминации и выбора влечет за собой необходимость изучения стратегий, межуровневых регуляторов и механизмов самотрансценденции и надситуативности. Как упоминалось выше, все эти виды мишеней неклассической психодиагностики – диагностики собственно личности, в отличие от индивидуальности, – уже в той или иной мере попали в сферу внимания исследователей, однако до сих пор не получили адекватной методологической и теоретической рефлексии. Они предполагают разработку более сложной стратегии тестирования, чем традиционная психометрика, поскольку соответствующие индивидуальные различия несводимы к легко измеряемым количественным показателям и имеют качественную, и даже уровнево-типологическую и системную природу. Пора отдать должное сложности устройства человеческой личности, которая неодинакова у разных индивидов, и обратить внимание на те характеристики, которые обнаруживаются в актуальном развитии не у всех, хотя их формирование потенциально доступно практически каждому.

По сути дела, эти новые виды переменных отражают то, что помогает человеку не столько быть равным самому себе, сколько гибко реагировать на ситуацию, жить в непрерывно изменяющемся мире. «Изменяющаяся личность в изменяющемся мире» [Асмолов, 1990] должна обладать гибкими механизмами саморегуляции и самоорганизации, которые позволяют ей, оставаясь в основном стабильной, сохранять потенциал большой гибкости и реагирования на то, что с ней происходит, которая способна не только адаптировать себя к изменяющимся обстоятельствам, но и изменяющиеся обстоятельства к себе и к своим собственным ценностно-смысловым ориентациям. Эти новые вызовы задают «зону ближайшего развития» для психодиагностики XXI века.

Литература

Асмолов А.Г. Психология личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. 367 с.

Богоявленская Д.Б. Психология творческих способностей. М.: Академия, 2002. 320 с.

Васильев И.А., Шапкин С.А., Митина О.В., Леонтьев Д.А. Ориентация на действие или состояние как индивидуальная характеристика саморегуляции. М.: Смысл, 2010. (в печати)

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: пер. с англ. М.: Русские словари, 1996. 412 с.

Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Собр. соч.: в 6 т. Т. 3. М.: Педагогика, 1983. С. 6–328.

Выготский Л.С. Мышление и речь. 4-е изд. М.: Лабиринт, 1996. 416 с.

Гордеева Т.О., Осин Е.Н., Шевяхова В.Ю. Диагностика оптимизма как стиля объяснения успехов и неудач: опросник СТОУН. М.: Смысл, 2009. 152 с.

Карпов А.В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. М.: ИП РАН, 2004. 424 с.

Клочко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2005. 184 с.

Кроник А.А., Ахмеров Р.А. Каузометрия. М.: Смысл, 2003. 284 с.

Леонтьев Д.А. Методика предельных смыслов (МПС). М.: Смысл, 1999. 35 с.

Леонтьев Д.А. Личность как преодоление индивидуальности: основы неклассической психологии личности // Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра / под ред. А.А.Леонтьева. М.: Смысл, 2006. С. 134–147.

Леонтьев Д.А., Ильченко А.Н. Уровни мировоззренческой активности и их диагностика // Психологическая диагностика. 2007. N 3. С. 3–21.

Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. 63 с.

Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986. 256 с.

Олпорт Г. Становление личности: избранные труды: пер. с англ. / под ред. Д.А.Леонтьева. М.: Смысл, 2002. 462 с. (Пер. изд.: Allport G.W. Personality: a psychological interpretation. New York: Holt, 1937).

Петровский В.А. Личность в психологии. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. 312 с.

Петровский В.А. Человек над ситуацией. М.: Смысл, 2010. (в печати)

Полежаева Е.А. Шкала самомониторинга и ее применение в отечественных исследованиях // Психологическая диагностика. 2006. N 1. С. 3–32.

Сапронов Д.В., Леонтьев Д.А. Личностный динамизм и его диагностика // Психологическая диагностика. 2007. N 1. С. 66–84.

Франкл В. Человек в поисках смысла: пер. с англ. и нем. М.: Прогресс, 1990. 368 с. (Пер. изд.: Frankl V. The will to meaning: foundations and applications of logotherapy. New York: Plume press, 1969.)

Франселла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности: пер. с англ. М.: Прогресс, 1987. 236 с. (Пер. изд.: Fransella F., Bannister D. A manual for repertory grid technique. L.: Academic press, 1977.)

Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. М.: Педагогика, 1986. Т. 1. 408 с. (Пер. изд.: Heckhausen H. Motivation und Handeln. Berlin: Springer-Verlag, 1980.)

Штерн В. Дифференциальная психология и ее методические основы: пер. с нем. М.: Наука, 1998. 336 с. (Пер. изд.: Stern W. Die differentielle Psychologie in ihren Methodischen Grundlagen. Leipzig: Barth, 1911.)

Эммонс Р. Психология высших устремлений: пер. с англ. М.: Смысл, 2004. 416 с. (Пер. изд.: Emmons R. The Psychology of Ultimate Concerns. New York: Guilford, 1999.)

Эткинд А.М. Цветовой тест отношений // Общая психодиагностика / под ред. А.А.Бодалева, В.В.Столина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. С. 221–227.

Bandura A. Self-efficacy. The exercise of control. New York: Freeman and Co., 1997. 604 p.

Bugental J.F.T. Outcomes of an Existential-Humanistic Psychotherapy: A Tribute to Rollo May // The Humanistic Psychologist, 1991. Vol. 19, Issue 1. P. 2–9.

Csikszentmihalyi M. The Evolving Self. New York: Harper Perennial, 1993. 384 p.

Deci E.L., Ryan R.M. Intrinsic motivation and self-determination in human behavior. New York: Plenum,

1985.

Giorgi A. Whither Humanistic Psychology? // *The Humanistic Psychologist*. 1992. Vol. 20, N 2–3. P. 422–438.

Kelly G.A. The psychology of personal constructs: in 2 vols. New York: Norton, 1955. 1210 p.

Kelly G. Clinical psychology and personality: the selected papers of George Kelly / ed. by B.Maher. New York: Wiley, 1969. 361 p.

McClelland D. Is personality consistent? // A.Rabin, J.Aronoff, A.Barclay, R.Zucker (Eds.). Further explorations in personality. New York: Wiley, 1981. P. 87–113.

Royce J.R., Powell A. Theory of personality and individual differences: factors, systems and processes. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1983. 304 p.

Rotter J.B. Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement // *Psychological Monographs*. 1966. Vol. 80 (Whole N 609). P. 1–28.

Seligman M.E.P. Helplessness: On depression, development, and death. San Francisco: Freeman, 1975. 250 p.

Seligman M.E.P. Learned Optimism. New York: Simon & Schuster, 1990. 319 p.

Поступила в редакцию 20 июня 2010 г. Дата публикации: 3 сентября 2010 г.

[Сведения об авторе](#)

Леонтьев Дмитрий Алексеевич. Доктор психологических наук, профессор; профессор кафедры общей психологии, факультет психологии, Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, корп. 5, 125009 Москва, Россия.
E-mail: dleon@smysl.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Леонтьев Д.А. Перспективы неклассической психодиагностики [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010. N 4(12). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.20гг). 0421000116/0031.

[Последние цифры – номер госрегистрации статьи в реестре ФГУП НТЦ "Информрегистр".]

[К началу страницы >>](#)